

41. Турчин, Є. Д. Назви їжі на Східному Поліссі / Є. Д. Турчин. – Львів : Українська академія друкарства, 2012. – 347 с.
42. Хібеба, Н. В. Структурно-семантична організація весільної лексики бойківських говірок : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01. «Українська мова» / Н. В. Хібеба. – Львів, 2007. – 20 с.
43. Хобзей, Н. Галицька кухня в словах / Н. Хобзей // Незалежний культурологічний часопис «І». – 2013. – Число 73.
44. Ястремська, Т. Традиційне гуцульське пастухування / Т. Ястремська. – Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. – 424 с.
45. Яценко, С. А. Назви продуктів харчування, страв і напоїв в українській мові XIV – XVII століть : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. А. Яценко. – К., 2009. – 22 с.

Стаття надійшла 27.03.2017 року

УДК 81:39

Алексей Романчук
(Кишинев, Молдова)
e-mail: dierevo5@gmail.com

ЭТНОЛИНГВИСТИКА ОБРЯДА ПЕРЕДАЧИ КУРИЦЫ НАД МОГИЛОЙ У БУЛАЕШТСКИХ УКРАИНЦЕВ И ЕГО ВОСТОЧНОРОМАНСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В погребальной традиции украинского села Булаешты (Орхейский р-н, Республика Молдова) очень заметное место занимает обряд передачи двух кур (любого цвета) через еще незакрытую могилу (с опущенным в нее покойником). Кур передают двум мужчинам, копавшим могилу. И передают обязательно женщины – родственницы умершего.

Крайне любопытна семантика этого обряда: кур дают, чтобы они «своими лапами разгребли землю с могилы, когда будет конец света, и умершего призовут на Страшный суд». Поэтому курам обязательно развязывают ноги, которые до этого были спутаны.

Важно, что куры ни в коем случае не могут быть заменены петухами. Равно как в этом ритуале строго запрещены и другие птицы/животные вместо кур (и вместе с ними). Единственным исключением, при отсутствии кур, могут быть две рыбы (обязательно – с головой; но почему и почему именно рыба – традиция уже не объясняет). И через семь лет после смерти покойного во время панихиды также обязательно дается «за поману» одна курица (которая и в этом случае может быть заменена исключительно рыбой).

Ближайшие аналогии булаештской традиции известны в восточнороманской среде, а также в отдельных славянских групп (прежде всего – на Буковине; также у севернорусских (О. В. Голубкова) и у сербов Краины).

Вместе с тем ряд ключевых характеристик (мотивация обряда «разгребанием курами могилы»; запрет на замену курицы петухом; рыба как единственная

возможная замена курицы; и др.) резко отличает булаештскую традицию как от восточнороманской (включая соседние молдавские села), так и от ее славянских аналогов. И представляется, что именно булаештская традиция лучше сохранила архаику этого обряда – как в его содержании, так и в семантике.

Ключевые слова: украинцы, Республика Молдова, погребальные традиции, славяне, восточные румыны, диалект, этнос.

Романчук О. Етнолінгвістика обряду передачі курки над могилою у булаештських українців та її східнороманські і слов'янські паралелі: спільне й відмінне.

У поховальній традиції українського села Булаєшти (Орхейський р-н, Республіка Молдова) помітне місце займає обряд передачі двох курей (будь-якого кольору) через ще не закидану могилу (з опущеним у неї небіжчиком). Курей передають двом чоловікам, які копали могилу. І передають обов'язково жінки – родички померлого.

Українська цікава семантика цього обряду: курей дають, щоб вони «своїми лапами розгребли землю з могили, коли буде кінець світу і коли померлого покличуть на Страшний суд». Тому курям обов'язково розв'язують ноги, до цього сплутані.

Важливо, що кури в жодному разі не можуть бути замінені півнями. Так само як у цьому ритуалі строго заборонені й інші птахи / тварини замість курей (і разом з ними). Єдиним винятком, за відсутності курей, можуть бути дві риби (обов'язково – з головою, але чому і чому саме риба – традиція вже не пояснює). І через сім років після смерті покійного під час панахиди також обов'язково дають «за поману» одну курку (яка і в цьому випадку може бути замінена тільки рибою).

Найближчі аналогії булаештської традиції відомі у східнороманському ареалі, а також в окремих слов'янських групах (насамперед – на Буковині; також у північноросійських (О. В. Голубкова) та в сербів Країни).

Разом з тим низка ключових характеристик (мотивація обряду «розгрібанням курми могили»; заборона на заміну курки півнем; риба як єдина можлива заміна курки; та ін.) різко відрізняє булаештську традицію як від східнороманської (включаючи сусідні молдавські села), так і від її слов'янських аналогів. Вважаємо, що саме булаештська традиція краще зберегла архаїку цього обряду – як у його змісті, так і в семантиці.

Ключові слова: українці, Республіка Молдова, поховальні традиції, слов'яни, східні румуни, діалект, етнос.

Romanchuk A. The ethnolinguistic of observance of hen's transferring over grave in the tradition of Bulaesty's Ukrainians and its East Romanian and Slavic parallels: common and different.

The funeral tradition of Ukrainian village Bulaesty (Orhei district, Republic of Moldova) includes a very important and interesting ceremony of transfer of two hens (the color is irrelevant) over uncovered grave (with the dead in). The hens must be transferred (by women that are close relatives of the dead) to two guys who dug the grave. The semantic of this ritual is very interesting: people say that hens are gifted for they «shovel the soil from the grave when the dead will be summoned to the Last Judgment». That's why the hens' legs must be unleashed before the transferring.

It is important to emphasize that hens can't be substituted by cocks in the ritual. As well as any other birds or animals instead hens in the ritual are forbidden. If we do not have

hens the only possible exception is fish; these two fishes must be with heads. Why certainly fish, as well as why the fish must be with head, the tradition can't explain by now.

During the ceremony of dirge which should take place seven years later the date of death a hen must be gifted for the dead soul as well. This hen can be substituted by a fish only also. The closest analogies for Bulaesty's tradition are known in East Romanian media as well as among some Slavic groups (in Bucovina; among Northern Russians (by O. V. Golubkova), and, more distant, in Serbian Krajna).

However, some key features (like a «hens will shovel the soil from the grave» explanation; the prohibition of hens' replacement by cocks; fish as the only possible substitution of hen; and some others) of Bulaesty's tradition clear distinct it from East Romanian one (including some neighboring Moldavian villages), as well as from the Slavic analogies. So, it looks like it is the Bulaesty's tradition conserved better the archaic features of this observance in its semantic and structures both.

Keywords: *Ukrainians, Republic of Moldova, funeral traditions, Slavic, East Romanians, dialect, ethnic.*

Поскольку заглавие статьи начинается со слов «этнолингвистика обряда», целесообразно вначале хоть и самым беглым образом обозначить то содержание, которое вкладывается в это определение в данной работе.

Итак, как отмечает В. Л. Конобродская, «одной из основных проблем украинской этнолингвистики является определение её предмета. Современная украинская этнолингвистика (в более узком понимании) развивается в тесной связи с диалектологией, является одним из её аспектов». При этом «позиция украинских исследователей во многом совпадает с пониманием предмета и объекта этнолингвистики российскими учёными, согласно которому её предметом (в широком понимании) является изучение плана содержания этнокультуры, реконструкция древней модели мира, построенной на мифологических представлениях, или выяснение этимологии явлений духовной культуры, реализованной в разных формах». И «идеи и методы этнолингвистики в большей степени воплощены в исследованиях номинации явлений традиционной культуры, в частности ... погребально-поминального обрядового комплекса» (Конобродская 2008).

Как представляется, именно стремление к «исследованию языка в его отношении к культуре» (и, обратно – культуры в ее неразрывной связи с языком) делают как раз этнолингвистический подход к изучению традиционной духовной культуры максимально продуктивным из возможных. Поэтому, руководствуясь этим соображением, данная работа (являющаяся собой один из этапов изучения погребально-поминальной обрядности булаештских украинцев) и нацелена на использование именно этнолингвистического подхода к изучению обряда передачи курицы над могилой у булаештских украинцев.

При этом я исхожу из того, что для любой этнолингвистической реконструкции первым и абсолютно необходимым этапом является

фиксация изучаемых феноменов духовной или материальной культуры и их языковых коррелятов. И именно на этом, первом, этапе и сосредоточено внимание статьи.

Завершая на этом вводные замечания, перейдем к основной задаче статьи.

Итак, украинское село Булаешты расположено в центральной части Республики Молдова, в зоне Орхейских Кодр. На протяжении более чем десяти лет этнографическая группа булаештских украинцев является объектом комплексных, этнографических, исторических и диалектологических исследований (обозначу здесь лишь самые свежие из вышедших по этой теме работы: Романчук 2016; Гороф'янюк 2016; Кожухар 2015).

Погребальные традиции и обычаи булаештских украинцев в той или иной мере этими исследованиями затрагивались, однако предметом отдельного рассмотрения не становились.

Между тем, они представляют собой чрезвычайный интерес – как с этнологической, так и диалектологической и этнолингвистической точек зрения, а также исходя из интересов изучения этнической истории региона.

Вопрос изучения погребальной обрядности представляет собой чрезвычайно объемную задачу, безусловно превосходящую возможности отдельной небольшой статьи, и здесь я хотел бы рассмотреть лишь один из аспектов этого вопроса: ввести в научный оборот и произвести компаративный анализ данных о таком интересном погребальном обряде булаештских украинцев, как передача курицы через могилу.

Нижеследующее описание данного булаештского обряда приводится как по информации, полученной от информаторов, так и на основании многократных, на протяжении многих лет, начиная с детства, личных наблюдений автора и его опыта участия в погребальных церемониях односельчан в различных ролях (в том числе – и непосредственного участия в копании погребальной ямы и всего последующего ритуала).

Итак, в погребальной традиции украинского села Булаешты (Орхейский р-н, Республика Молдова) очень заметное место занимает обряд передачи двух кур (любого цвета) через еще незакрытую могилу (с опущенным в нее покойником).

Прочитую одного из информаторов (Романчук Вера Михайловна, 1942 г. р. (по документам – 1940 г. р.); подробнее об информаторе: Романчук, Тащи 2010):

// тем двом чолов'ікам шо копайут / йаму / к'ірез / йаму да'йут дв'і / курк'і / і да'йут / меску / ло'хан'ку / кал'дар'ку // хто шо / мае / м'есто / меск'і // / можуть / чашку / дати^е / зба'ноч'ік // л'убе / шоб по'суда / була //

'сеп'я т'рох'і во'де на дно // 'сеп'я те^нпер і ви^ено / а'ле 'кажут шо то не^нпрей'мене^н // 'траба шоб во'да 'була / 'ч'еста // да'йут те'раўни^к / кла'дуть те'раўни^к / по'том 'меску // да'йут по'ману // по'ману пле^нтут з 'к'іста // 'кури^е да'йут / на к'ім с'в'ік'і 'буди^е страшне^нї суд та 'кури^е в'і'порпуйут 'того шо по'ховани^е ї // же'в'і бдут к'е са'м'і / а ў'мерши^х 'будут в'і'порпу'яти^е 'кури^е // да'йут 'м'есто ку'реї на ц'вентар'ови^е 'ребу // дв'і 'реб'і // тем двом чоло'в'ікам шо ко'пайут 'йаму // ну / не з'найу це 'роби^е хто ч'і не 'роб'яа // ну йа не ро'бела / посто'йано да'вала 'кури^е // і у с'м год 'тожи^е да'йут 'курку а'н'е 'ребу // на пана'х'іг'і // здо'ймаїш пана'х'іду у с'ім год // а чо 'ребу // не ка'зали^е стар'і // голо'ва 'дожна 'бути^е //

// не се іст 'реба у ве^нлек'її п'іст / леш на благо'в'іс: ін'а і на шутко'у не^нг'іл'у / так у пе^нсан'ійови^е 'пеше^н // 'лов'яа ку'реї у'же в'йа'зате^н на ц'вентар' таї 'мейут ім 'ноге^н / леш 'ноге^н 'мейут / та'ко з 'ч'ашк'і ч'і йе йа'ка т'р'ока / ч'і во'да з до'с: у де // те^нпер ц'і моло'г'і 'в'ідумале^н шо да'йут с: ей руб'л'і ч'і'рез йаму //

Итак, кур передают двум мужчинам, копавшим могилу. И передают обязательно женщины – родственницы умершего.

При этом женщины произносят стандартную ритуальную фразу: // бе^нр'іт за [называется имя умершего, напр.: за Анд'р'ійоу. – А. Р.] 'душу // Принимающий отвечает: // спа'себ'і //

Крайне любопытна булаештская семантика этого обряда: кур дают, чтобы они «своими лапами разгребали землю с могилы» (//с'воіми^е 'лабами^е роз'порпу'яали^е 'земн'у з гроб'а//), когда будет конец света и умершего призвут на Страшный суд. Поэтому курам обязательно развязывают ноги, которые до момента передачи были спутаны. И существенно подчеркнуть, что курам после поимки, и перед тем как спутать, обязательно моют ноги.

Важно, что куры в булаештской традиции ни в коем случае не могут быть заменены петухами. Равно как в этом ритуале строго запрещены и другие птицы/животные вместо кур (и вместе с ними). Единственным исключением, при отсутствии кур, могут быть две рыбы (обязательно – с головой; но почему и почему именно рыба – традиция уже не объясняет). И через семь лет после смерти покойного во время панихиды также обязательно дается «за поману» одна курица (которая и в этом случае может быть заменена исключительно рыбой).

Любопытно также отметить, что в Булаештах и помимо этого обряда курица проявляет определенную связь с ритуальной поминально-погребальной сферой, именно – с пищей. И в этом качестве, что интересно, противопоставляется собакам. Конкретно, по булаештским верованиям, колач, поману (равно как и другую поминальную пищу), даже если они уже засохли, испортились, ни в коем случае нельзя давать

собакам (и вообще и другим животным; но собаки подчеркиваются здесь особенно). Единственное исключение – это куры; колач, поману, пасхальный кулич нужно размочить и скормить курам или цыплятам: // пе/сам не^г/з'а да/вати^е /істи^е кола/ч'і, ч'і хліб з празнека // /можно розмо/ч'ети^е /дати^е /курем //.²

Ближайшие аналогии булаештской традиции известны в восточнороманской среде, а также в отдельных славянских групп (северорусских (О. В. Голубкова) и, менее близкие, – у сербов Краины).

Вместе с тем ряд ключевых характеристик (мотивация обряда «разгребанием курами могилы»; запрет на замену курицы петухом; рыба как единственная возможная замена курицы; и др.) резко отличает булаештскую традицию как от восточнороманской (включая соседние молдавские села), так и от ее славянских аналогов. И представляется, что именно булаештская традиция лучше сохранила архаику этого обряда – как в его содержании, так и в семантике.

Посмотрим подробнее.

Итак, в украинском ареале, насколько мне удалось установить, данная традиция встречается лишь в карпатско-буковинской зоне: живую курицу отдают «тому, кто держал покойника за голову, когда его перекладывали в гроб (карпат.), могильщику над могилой (карпат., буковин.), ... «чтобы К[урица] прогребла душе дорогу на тот свет» (черновиц.)» (Бушкевич 2004: 64). В обстоятельном компендиуме начала прошлого века по украинскому погребальному обряду традиция передачи курицы через могильную яму могильщикам отмечается лишь в селах Глибокского и Новоселицкого района, на Буковине (Гнатюк 1912: 344, 351).

В задачи данной статьи не входит детальное рассмотрение того, в какой мере традиция передачи курицы все же проявлена в карпато-буковинском (и вообще украинском) ареале. Тем не менее укажу, что в не менее обстоятельном и фундаментальном труде, посвященном гуцулам (в том числе и их погребальным традициям), В. Шухевич об этой традиции не упоминает совершенно (Шухевич 1908). Также никаких упоминаний о традиции передачи курицы не обнаруживается и в таком «заповеднике архаизмов», как Полесье (погребальные традиции Полесья детально рассмотрены В. Л. Конобродской (Конобродська 2007)).

² Вообще, к собаке в булаештской традиции в некотором роде настороженное отношение. Приведу некоторые выразительные булаештские фразеологизмы на этот счет: //у пе/с'ач'і /голос // – ‘слишком поздно’ (прийти на работу, например); // попрашу/ау у пе/с'ач'і /голос//. Также: // /бете пе/се //; равнозначно: // хо/дети^е с'воім /богом // к'і шо /хог'а пйут / про тех /кажут так //.

Наконец, по любезной консультации И. В. Горофьянюк, ни о чем подобном ей не доводилось слышать и в ареале подольских говоров (см. также: Гороф'янюк 2015).

Среди украинских сел Республики Молдова, по личному сообщению В. Г. Кожухаря, обряд передачи курицы встречается в некоторых населенных пунктах на севере страны, по соседству с Буковиной; в родном для В. Г. Кожухаря селе Воронково (Левобережье Днестра, ныне Рыбницкий район непризнанной ПМР) данный обряд неизвестен совершенно.

Поэтому, по всей видимости, мы должны констатировать крайне незначительную, исключительно в восточноромано-украинском пограничье, проявленность традиции передачи курицы в украинском ареале.

Однако в славянской среде обряд передачи курицы (хоть и не над могилой) также был обнаружен О. В. Голубковой в ряде русских и украинских сел на юге Западной Сибири – на границе Барабинской и Кулундинской степей. И, проанализировав тщательно историю этих сел, исследователи пришли к выводу, что истоки данного обычая следует связывать с наиболее ранним пластом русских поселенцев края – выходцев из севернорусского ареала (прежде всего новгородских земель) и Северного Урала: «похоронный обряд передачи курицы через гроб с покойником, имеющий севернорусское происхождение» (Голубкова, Будаева, Крикау 2017: 140).

В севернорусском же ареале появление данной традиции объясняется, видимо, влиянием финно-угорского субстрата. Поскольку, как писал Д. К. Зеленин: «нигде курица не играет такую роль в похоронных обрядах, как у финнов» (Зеленин 1994: 146). И, по данным О. В. Голубковой, традиция передачи курицы фиксируется также в Прикамье и была отмечена А. Котляревским в XIX веке в Саратовской губернии.

На юге Западной Сибири этот погребальный обряд имеет следующий вид: «после выноса покойника из дома родственница умершего передавала через гроб живую курицу «старейшей старушке» или вдове, которая должна была молиться о душе усопшего: *Когда выносят покойника, с дома вынесут, ставят гроб на стулья. Гроб ещё открытый, крышка отдельно стоит. Хозяйка берет курицу и соседке или еще кому-то передает. Говорят, тогда ничё не будет*» (Голубкова, Будаева, Крикау 2017: 132). В Прикамье курицу давали «через гроб первому, кто зашел проститься с покойником» (Там же: 133).

Что характерно: в барабинской традиции семантика обряда имеет явный смысл искупительной жертвы, а также милостыни. Информаторы недвусмысленно указывают: «*чтобы покойник за собой из дома*

живность не увел» (Там же: 133). Или, по словам другого информатора: *«чтобы покойник не загубил хозяйство»*.

Как отмечают сами О. В. Голубкова и соавторы, «в данном обряде выражена идея замещения, откупной жертвы, где курица олицетворяла всю скотину как основу крестьянского хозяйства, достатка и богатства, а иногда – человеческой жизни» (Там же: 140). И, как видим, потом курица отдается нищему, нуждающимся людям, посторонним женщинам.

Такая семантика обряда в северно-русской среде вполне коррелирует с финским поверьем, по которому курица является выкупом от смерти (Зеленин 1994: 142).

Прочитируем здесь и упомянутые О. В. Голубковой и соавторами данные А. А. Котляревского, но чуть подробнее: «в Аткарском уезде ... когда опускают мертвеца в могилу, родственница покойного, поймав заранее в доме его петуха или курицу, передает его через могилу другой женщине. А потом его отдают нищему...» (Котляревский 1868: 85).

В южнославянской среде А. А. Котляревский фиксирует существенно отличающийся, но явно родственный обряд. Именно, в сербской Крайне «когда умерший еще стоит в доме, иногда в гроб ему кладут курицу, потом закрывают ее вместе с мертвецом крышкой и так погребают» (Котляревский 1868: 241).

У карпатских горцев и в Каринтии им был отмечен обычай иногда умерщвлять петуха на могиле (Котляревский 1868: 85).

В целом же, в южнославянском мире традиция передачи курицы, по известным мне данным, отсутствует.

И это странно вдвойне – учитывая восточнороманскую традицию, с которой южные славяне, как очевидно, интенсивно общались – и общались по определению гораздо интенсивнее прочих групп славян.

Однако, по всей видимости, объяснение этой странности есть. И связана она с вообще характерным для славян (и, видимо, особенно южных) поверьем о запрете на передачу чего-либо через покойника.

Прочитирую: «Обряд с передачей курицы сознательно нарушал целый ряд канонических запретов. Прежде всего табуировалась передача чего-либо над телом умершего, особенно живых существ. Так, южные славяне считали, что умерший превратится в вампира, «если над телом покойника передадут какой-нибудь предмет или на него что-нибудь уронят, если через него перескочит животное или перелетит птица» [Славянская мифология ..., 2002, с. 60]» (Голубкова, Будаева, Крикау 2017: 134). В «Прикамье полагали, что «переходит колдовство по курице», которую передавали над гробом покойного колдуна».

Действительно, на это южнославянское поверье указывает Е. Е. Левкиевская (Левкиевская 2002: 60). Но надо заметить, что он не является исключительно южнославянским, но встречается, в частности, и

в Полесье: «По ю[жно]-слав[янским] и полес[ским] поверьям, покойник превращается в вампира, если через его тело или выкопанную могилу перелетела К[урица]» (Бушкевич 2004: 64).

Безусловно, что подробно рассмотренные еще А. А. Котляревским данные письменных источников (ибн Фадлана и Льва Диакона) об использовании петухов и кур в погребальном обряде русов (Котляревский 1868: 85) также имеют отношение к распространению данной традиции в славянской среде.

Однако, на мой взгляд, здесь особенно примечательно как раз то, что, по данным этих письменных источников, в погребальном обряде русов используются не только куры – а и (как у Льва Диакона) петухи.³ И это коррелирует с выше цитированными славянскими этнографическими данными.

О ситуации в восточнороманской среде в целом наилучшее представление дают данные, приведенные С. Фл. Марианом в его фундаментальной работе (и собранные, что важно, еще во второй половине XIX века). Позвольте большую цитату (тем более, что эти сведения для русскоязычных исследователей по большей части не самые доступные): «В большинстве мест Буковины, а также в значительной мере в селах за Прутом, в Бояну и Магале, и по эту сторону Прута в Бадеуць, Илиешть, Виковул де Сус, Кымпулунг, Ватра Дорней, немедленно как могильщик начал бросать землю на покойника и закрывать его, подходит женщина из числа ближайших родственников умершего, и дает через яму петуха или курицу черного или пестрого цвета, затем кувшинчик с водой, большой платок или полотенце, калач или хлеб и кусок соли или (молотую. – *А. Р.*) соль, свечку и крейцер (монету. – *А. Р.*)⁴. И так же

³ В контексте проблем, поднятых мной в некоторых других работах, касающихся варяго-русской дискуссии (укажу лишь наиболее свежую из них: Романчук 2016а), не могу не упомянуть еще одно замечание А. А. Котляревского: «обычаю приносить в жертву усопшим петухов – г. Куник не нашел подтверждения в северных (т.е., скандинавских. – *А. Р.*) источниках» (Котляревский 1868: 85). Замечание крайне существенное не только с точки зрения данной конкретной проблемы. Но и в целом как момент имеющий чрезвычайное методологическое значение: когда норманнисты пытаются увидеть в описании того же ибн Фадлана «типичный скандинавский погребальный обряд», а анти-норманнисты – «вполне славянский», и те и другие самым очевидным образом игнорируют то, что не вписывается в их интерпретацию, и апеллируют лишь к тем или иным элементам, удовлетворяющим их объяснению. Такая практика отнюдь не ограничивается данным сообщением ибн Фадлана и вполне обычна, к сожалению, для многих современных как норманистских, так и (особенно) анти-норманистских работ. И, очевидно, что подобная методологическая установка для современной науки является уже неприемлемой.

⁴ Очень признателен Р. Осадчей за консультации по этому вопросу; также, по ее сообщению, в молдавских селах на территории Республики Молдова в основном в обряде задействована именно курица – а не петух.

Вместе с тем, явно, что все же ситуация в разных молдавских селах Республики Молдова в отношении обряда передачи курицы сильно варьирует, и требует отдельного

делают румынки в некоторых местах Трансильвании, Молдовы и Цара Ромыняскэ.

Все эти объекты служат, с одной стороны в качестве платы могильщику за его труд, с другой же – люди верят, что посредством этих даров (которые не даются все одному и тому же могильщику, но в одном месте одни, в другом – другие) насыщается душа умершего, чтоб имел и он на том свете это, а на этом чтобы никто на него не обижался ... . Во многих местах как петуха, так и курицу ... кропят водой или моют им ноги, чтоб были как можно более чистые ...

Курица, которую дают могильщику через яму или закрытую могилу за душу умершего, символизирует, по румынским народным верованиям, открытие дороги в мир иной, так как говорится, что она идет перед душой, клохча и зовя за собой, как делает когда имеет маленьких цыплят, и таким образом приводит душу к вратам рая.

Многие также, и особенно зажиточные, дают через яму или закрытую могилу не только курицу, но и ягненка, овцу, телку или корову с телятком ..., которым, как и курице, моют ноги, и которые даются, как правило, бедным мужчине или женщине (преимущественно на Буковине). Так делают и румыны во многих местах Молдовы и Цара Ромыняскэ.

В иных местах, тоже в Цара Ромыняскэ, а именно в краю Прахова, ... через могилу переводили барана, овцу, индюка, утку, курицу, говоря, что только они идут перед умершим и ведут его в рай» (Marian 1892: 330–332).

Итак, как мы видим, именно в восточнороманской среде (помимо Буковины) рассматриваемая булаештская традиция находит ближайšie аналогии.

Вместе с тем, наблюдаются и достаточно существенные отличия. К их числу следует отнести в первую очередь то, что в восточнороманской среде за поману через яму давалась не только курица – но и петух, а также и другие животные.

обстоятельного исследования. Так, К. Котоман, любезно ознакомившая меня с некоторыми результатами своих исследований, достаточно часто фиксировала в молдавских селах и варианты с передачей петуха. Особое любопытство вызывает увиденный ею в одном молдавском селе Хынчештского района вариант с передачей четырех куриц и петуха (пяти могильщикам) через могильную яму. В молдавском селе Крихана Веке на юге Республики Молдова курицу (обязательно черную) дают просто во дворе дома умершего, даже не через гроб, тому, кто держал свечку умершему. На кладбище же – кур вообще не дают; в этом же селе при погребении чабана дают и овцу. Зато обязательна в этом селе курица (и тоже черная), что любопытно, и при крещении младенца.

Перечень вариаций можно продолжить, но здесь мне кажется важным подчеркнуть именно сам факт этой высокой вариативности в сравнительно ограниченном ареале. Полагаю, что тщательный анализ ее позволит получить важные результаты, и существенно увеличить наши знания об этнической истории региона.

В Булаештах, кроме кур, вся помана дается не через яму (и не через гроб); существенным представляется и то, что в Булаештах поману раздают почти исключительно родственникам и ближайшим соседям с магалы: // 'н'амор'іў к'леч'а на 'похорон / по'ману ім да'йут // су'с'іг'іў 'тоже к'леч'а / да'йут шо не^н'буг' / а так леш 'н'амор'іў //, тогда как в восточнороманской среде она раздается всем, и чужим людям – беднякам, как видим, даже предпочтительнее.

Также, отметим, в булаештской традиции никогда не давалась соль (ни молотая, ни куском) в обряде передачи курицы; вплоть до недавнего времени (последние лет двадцать) не давались и деньги.

Отличается все же, при общей близости, и семантика курицы в этом обряде в булаештской традиции; пожалуй, ближе всего булаештская традиция именно к буковинской, но и от нее, как видим, отличается.

Заметны существенные отличия и при сравнении булаештской традиции с традицией ближайших молдавских сел – Мырзачь и Мырзешт.

Так, в Булаештах, как уже было отмечено, передача куриц (обязательно пары – по числу тех, кто копает погребальную яму) практикуется исключительно через незакрытую яму, на кладбище, тогда как в соседнем молдавском селе Мырзачи передают только одну курицу, и передают как раз во дворе дома, через гроб (информация Акулины Мили, урожденной Дорош, 1962 г. р.; необходимо отметить, что А. Мили – уроженка Мырзач, и женщина весьма религиозная, она многократно наблюдала и участвовала в погребальных ритуалах, осуществляемых жителями Мырзач; также ей приходилось видеть погребения жителей соседних молдавских сел Мырзешты и Суслены).

Дают курицу, опять-таки, любому человеку, пришедшему на похороны – даже и совершенно чужому, тогда как в Булаештах, напомним, курей дают исключительно тем двум мужчинам (как правило, из числа родственников – но не самых близких; или из соседей), которые копают могилу⁵.

Но что любопытно: в Мырзачах, по сообщению А. Мили, тоже именно рыба (желательно – живая) может служить заменителем курицы.

Таким образом, в булаештском обряде передачи курицы через могилу мы видим, при общей максимальной близости к восточнороманской традиции, все же и ряд своеобразных черт⁶. И поскольку, судя по всему,

⁵ Замечу здесь, что, в отличие от Булаешт, в соседних молдавских селах Мырзачи и Мырзешты яму копают все восемь человек, которые несут покойника, крышку гроба и пр.

⁶ В заключение, остановлюсь на таком любопытном моменте, как аналогично повышенная роль курицы в погребально-поминальной обрядности как финнов, так и восточных романцев. Безусловно, это вопрос, требующий отдельного рассмотрения, с учетом ситуации в этом вопросе в общеевразийском контексте. Однако, в этой связи не могу не вспомнить о волго-уральской гипотезе происхождения волохов, предложенной Р. А. Рабиновичем, и

обряд розвивався от варианта, где единственным и центральным персонажем была курица (которая не могла заменяться петухом и тем более другими животными), а набор сопутствующих даров ограничивался миской с водой, полотенцем и ритуальным хлебом-колачом, булаештская традиция (видимо, как и традиция многих молдавских сел Республики Молдова – но это требует отдельного изучения) сохранила именно более ранний вариант этого обряда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бушкевич С. П. 2004. Курица. В: Толстой Н. И. (ред.). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3 (К–П)*. Москва: Международные отношения, 61–68.
2. Гнатюк В. М. 1912. Похоронні звичаї й обряди. В: *Етнографічний збірник XXXI–XXXII*, 131–424.
3. Голубкова О. В., Будаева С. В., Крикау Л. В. 2017. Локальная традиция погребального обряда славянского населения юга Западной Сибири в XVII–XX вв.: к вопросу о типологии. В: *Научный диалог 1*, 131–143.
4. Гороф'янюк І. 2016. Стійкість і динаміка частин мови в українській говірці с. Булаешти Республіки Молдова. В: Кожухар В. Г., Кожухар К. С. (ред.). *Relațiile etnoculturale moldo-ucrainene”: simpozionul științific internațional în memoria academicianului Constantin Popovici „Relațiile etnoculturale moldo-ucrainene” = „Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки”. Vol. 2: Probleme actuale de istorie, limbă și cultură a ucraienilor din Republica Moldova = Актуальні питання історії, мови та культури українців Республіки Молдова*. Chișinău: Elan-Poligraf, 228–239.
5. Гороф'янюк І. В. 2015. Поховальний обряд Центрального Поділля: етнолінгвістичні студії. В: Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки. Вип. 1/2. Вінниця, 33–71.
6. Зеленин Д. К. 1994. *Избранные труды: статьи по духовной культуре 1901–1913*. Москва: Индрик.
7. Зеленчук В. С. 1959. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев: Карта молдовеняскэ.
8. Кожухар К. С. 2015. Українсько-молдовські інтерференції в назвах страв з пшеничного борошна в українських говірках Республіки Молдова. В: Кожухар В. Г., Кожухар К. С. (ред.). *Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки: Міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича. Том 1*. Кишинів: Elan-Poligraf, 243–248.
9. Конобродская В. Л. 2008. Украинская этнолингвистика: некоторые аспекты. В: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/11735> (дата посещения: 08.04.2017).
10. Конобродська В. 2007. Поліський поховальний і поминальний обряди. Т. 1. Етнолінгвістичні студії. Житомир: Полісся.

связывающей волохов, древнерусских волхвов и финно-угорский народ мерю (Рабинович 2000).

Кстати, в свое время Д. К. Зеленин писал, что к русским русалкам ближе всего молдавские (Зеленчук 1959: 60). Случайно ли?

11. Котляревский А. А. 1868. *О погребальных обычаях языческих славян*. Санкт-Петербург: Синодальная типография.
12. Левкиевская Е. Е. 2002. Вампир. В: Толстая С. М. (отв. ред.). *Славянская мифология: энциклопедический словарь*. Москва: Международные отношения, 60–61.
13. Рабинович Р. А. 2000. Испытание «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы. В: *Stratum plus* 5, 282–390.
14. Романчук А. А. 2016. Переход t', d' > k', g' в диалектах Балкано-Карпатского региона и его исторические причины. В: Кожухар В. Г., Кожухар К. С. (ред.). „*Relațiile etnoculturale moldo-ucrainene*”: *simpozionul științific internațional în memoria academicianului Constantin Popovici „Relațiile etnoculturale moldo-ucrainene”* = „*Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки*”. Vol. 2: *Probleme actuale de istorie, limbă și cultură a ucraienilor din Republica Moldova* = *Актуальні питання історії, мови та культури українців Республіки Молдова*. Chișinău: Elan-Poligraf, 287–312.
15. Романчук А. А. 2016а. Варяги и варязи: к вопросу об этимологии и времени возникновения этнонима варяг. В: *Восточно-Европейский научный вестник* 2, 65–72.
16. Романчук А. А., Тащи И. Н. 2010. Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV – начало XVII вв. от Р. Х.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.
17. Шухевич В. 1908. Гуцульщина. Ч. 5. В: Материяли до українсько-руської етнології. Львів.
18. Marian S. Fl. 1892. *Înmormîntarea la români. Studiu etnografic*. București: Lito-Tipografia Carol Göbl.

Стаття надійшла 08.04.2017 року

УДК 811.161.2'42

Наталія Савчук
(Умань, Україна)
e-mail: natalya.savchuk22@gmail.com

ЗАСТАРІЛА ЛЕКСИКА УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ У ФУНКЦІЙНО-МОТИВАЦІЙНОМУ АСПЕКТІ

У статті проаналізовано наукову літературу і сформульовано теоретичні положення про вивчення механізмів мотивації лексичних одиниць; представлено співвідношення понять **ідіостиль** та **ідіолект** як ключових репрезентацій індивідуальної мовної особистості автора художнього твору; надано визначення поняття мотиваційно зв'язаних слів у сучасній лінгвістиці та окреслити їх ключові характеристики будь-якого художнього твору; охарактеризовано застарілий лексичний склад як ключових мотиваційно зв'язаних слів; надано приклади застосування мотиваційно зв'язаних слів у творах Лесі Українки, репрезентованих різними тематично-функційними групами застарілої лексики.